

СЧАСТЛИВЧИК

Роман

Глава первая.

ЖИЛИ-БЫЛИ ДЕТИ

Зима пришла в начале ноября. Уверенно положила белую мохнатую лапу на плечи заборов и головы домов, холодно поцеловала их в стеклянные глаза, мимоходом коснулась полуодетых деревьев и овладела наконец всем вокруг, живым и мертвым.

Пальцы заледенели и не слушались, а инструмент не хотел слушаться замерзших рук. Скрипке тоже было холодно, ей хотелось в мягкое, голубое Средиземноморье, туда, где в муках и боли гениальных мастеров рождались ее прародители.

Собрать удалось совсем немного. В старой велюровой шляпе с грязноватыми залысинами лежали, едва прикрывая дно, белые и рыжие монеты. Ни одной бумажки. Это означало, что сегодня купить то, что хочется, не выйдет. Покупать то, что хочется, было для него неопишмым наслаждением. То, что хочется, а не то, что необходимо или что считает нужным купить опекунша. В глаза он называл ее мамой, а мысленно только так – опекунша. С шести с половиной лет он знал, что должен быть ей благодарен, но никакой благодарности не испытывал. Знал, что должен любить - и ненавидел.

Всякий раз, покупая шоколад или пакетик жгучих, как огонь, хрустящих орешков, или коробочку дорожущего рахат-лукума, который до обморока любила Аурилька, он видел перед собой белое лицо опекунши с плоскими, бесцветными губами и испытывал мстительное наслаждение.

В возрасте пяти с половиной лет ему впервые сказали, что он счастливый. Однако ни напряженная и будто нарисованная улыбка провожающей их воспитательницы, ни завистливое молчание за спиной, ни дрожащая ручка сестры никак не подтверждали этого статуса избранности. Забирая их из интерната, женщина, которая назвалась мамой, крепко взяла его за руку и повела. Туда, где счастье? Разбирало нетерпение и любопытство, и он не сразу заметил, что в правой руке женщина сжимает небольшую черную сумочку, а не другую детскую ручку.

Он быстро и испуганно оглянулся и встретил растерянные, ставшие почему-то громадно черными глаза Аурики. Сестра не то шла, не то стояла, ни звала, ни молчала, на перекошенном личике не то улыбка, не то гримаса - ничего он не понял, но остановился и сестре руку протянул. Тогда остановилась и новообращенная мама, оглянулась на детей. Он не видел, как посмотрела. Впрочем, увидит еще не раз.

Какие бывают настоящие мамы, Тимур не знал. В телевизоре они киношные, на картинках вообще неживые. По улицам женщин ходило много, разных. Но как догадаться, кто они. Если б написано было у них где-нибудь большими печатными буквами, как в азбуке, МА-МА, тогда вот все бы было ясно. А так – не понять ничего. И раз эта женщина -Наталья ее зовут- говорит, она – мама, значит так оно и есть...

Жесткой плеткой стегнул по лицу ветер. Сразу заслезились глаза. Тимка открыл футляр. Послушная скрипка печально улеглась в ледяное нутро и затихла. Не считая,

ссыпал деньги в карман, шляпу засунул под куртку и направился к супермаркету. Надо было согреться, а то и простуду недолго схватить. Болеть он, в отличие от большинства своих одноклассников, не любил, и на это была понятная причина.

Бродя среди стеллажей, он наткнулся на хитрую штучку, геджет. С виду обыкновенный брелок для ключей, а на самом деле – сложное устройство с дистанционным управлением: ни за что не даст ключи потерять, сразу пищать начнет. А еще раньше ему встречались кружка, например, в которой жидкость размешивалась без помощи ложки, нажатием кнопки; устройство для уничтожения важных документов: крутанул ручку, и бумага – в лапшу. А еще миниатюрное водонепроницаемое радио. Для душа? А еще пластмассовый паучок, мухоловка-автомат. Или спящий кот в натуральную величину, дышит, как живой.

Это были игрушки для взрослых, стоили они недешево, да и не нужно ему это было. Он и сам не понял, зачем взял с полки маленькую, яркую упаковку и засунул в шляпу под курткой. Мимоходом прихватив пакетик фруктового ириса (кажется, на это должно хватить небогатой сегодняшней выручки), он направился к кассе. Не спеша отсчитывая монеты, натолкнулся на пристальный взгляд охранника: тот внимательно изучал футляр со скрипкой. «Что ж, пусть проверяет», – ухмыльнулся про себя. Здоровенный, носатый, чем-то похожий на огромную черную ворону охранник загородил ему выход.

- А ну, покажи карманы.

Тимка как-то не ожидал, что вот так банально-позорно его заставят выворачивать карманы, как последнего воришку. Щекам стало жарко.

- Еще чего! – он ловко шмыгнул за спину верзилы, но тот догнал его и уже в тамбуре, ухватив за ворот куртки, сильно встряхнул. На пол вывалилась шляпа, блеснул глянец упаковки.

- Отпусти его! Слышишь, ты, жирный!

Непонятно откуда вынырнувшая девчонка (краем глаза Тимка успел ухватить рыжую челку) с силой поддала носком ботинка выпавшую игрушку; охранник метнулся за ней, ослабив хватку, а девчонка, крепко вцепившись Тимуру в рукав, стремительно поволокла его за собой, расталкивая вплывающую в магазин публику.

Сзади засвистели. Вылетев на улицу, девчонка устремилась в сторону автобусной остановки. Еще пара метров не то бега, не то полета – и закрывающиеся двери, в которые они успели-таки протиснуться.

Ноги не держали. Больше всего он испугался за скрипку, которую чуть не выронил в этой баталии. Плюхнувшись на кожаное сиденье, он перевел дух и тут только оглянулся на свою попутчицу. Темно-синие джинсы, белая куртка, оранжевый шарф. Выше – приоткрытый рот, губы в улыбке, скобки-брекеты, веселые карие карамельки глаз. Челка под белой шапкой оказалась не рыжей, а золотисто-каштановой. В общем, девчонка как девчонка, только реакция как у пацана.

- А я тебя знаю, - она стояла перед ним, ни за что не держась, поправляла съехавшую набок шапку.

Автобус резко мотнуло и трянуло одновременно. Тимка, чуть не слетев со скользкого сиденья, успел заметить, как совершив несколько странных движений руками, плечами и головой, сделав несколько мелких шагов и разворотов, девчонка

удержала равновесие и осталась стоять на том же месте, все также не касаясь металлических поручней.

- Сядь, циркачка, - мрачно посоветовал он, - расшибешься.

Пассажиров в салоне было совсем немного, девчонка присела напротив через проход.

- Тебя как зовут?

- Ты же сказала, что меня знаешь, - напомнил он.

- Ну... не знаю, а так... видела два раза. Ты в сквере напротив драматического стоял... играл то есть. Ты не думай, я знаю, музыкантам часто не хватает денег, - глядя прямо ему в лицо, серьезно сказала она.

Тимка опустил глаза, не выдержал.

Музыкант... В музыкальной школе он учился на отделении сакральной музыки и пения. Обязательным инструментом стала скрипка, потому что так решила опекушка. Раскошелиться на пусть и подержанное фортепиано она не собиралась. Да и вообще, главным для нее было, чтобы с восьми лет церковный служка, он еще и пел на клиросе. Правда голос, высокий, девчоночий, скоро стал ломаться, и певчество закончилось.

Он поднял наконец глаза: девчонка смотрела вопросительно и чуть виновато.

- Тимур, - он нерешительно протянул руку (первый раз в жизни – девчонке).

- Кристина, - тут же отозвалась серебристой улыбкой девчонка.

Кто это здесь Тимур? Ты что ли, Тимка-Тимофей? Что это с ним? Конечно, он не забывал своего настоящего имени, но никогда им не назывался. Да и давно ли перестал считать его позорным?

Первой школой для брата и сестры стала школа воскресная, при церкви, где Наталья много лет уже была бессменной и ревнительной старостой.

- Вот, Батюшка, детки мои приемные, - Наталья обеими руками крепко сжимала им плечи, будто хотела слепить друг с другом. – Тимофей и Антонина.

Тимур ничего не понял, а, может, и не услышал. Завороженно уставившись в сияющий золотом и эмалью крест на груди священника, молчал. Он вообще был медлительным и быстротой реакции не отличался. Зато тут же среагировала сестра.

- Аурика, - слишком громко прозвучало в пустом храме, слишком твердо. -А он – Тимур.

Крест качнулся и отодвинулся, взлетела рука – Тимур испугался, подумал: ударят - но только край широкого рукава легко коснулся лица.

- Малы да без понятия, - вздохнул священник, да зачастую торопливо Наталья:

- Простите, Батюшка,...объясню...ничему не учены...

Все это где-то над ними прозвучало-пронеслось. Тимур задрал голову кверху, но никого не увидел. Головокружительной высотой уносился вверх бело-голубой купол. Между ним и этой холодной и строгой высотой - ничего и никого, и от этого было страшно и одиноко.

В тот день, усадив их в пустом и темном классе, где-то в подвальных помещениях церкви, Наталья долго и наставительно объясняла, как неподобающе они себя вели и как следует. Тимур никак не мог сосредоточиться, хотя и очень старался все понять и запомнить. Но лучше всего он понял то, что имена у них неправильные, глупые, и, чтоб не позорно (или зазорно?) было ни им самим, ни маме их, им скоро другие дадут, а значит – пусть привыкают.

По дороге домой Тимур все-таки решился спросить, кто же и почему дал им плохие имена.

- Никто, - отрезала Наталья. – Что ветер принес, то и прилипло.
Скоро их крестили, при крещении нарекли так, как решила новая мама.

Ветер, ветер. Откуда же дул ты, и отчего именно такие имена родились в легком и вольном твоём дыхании? Что и где услышанное вложил ты в них? Звенящую знойную тишину в раздолье южных степей? Диковатый, колдовской смех в черноте горячих ночей? Гортанный зов в плеске волны, беспорядочную дробь бешеной скачки, выстрел хлыста, предсмертный вскрик загубленной струны...Что?

Он не знал, не дано было ему знать это, как не дано было знать того, кто подарил ему жизнь. Еще не успев стать кем-то, не успев обрести опору в лице себя самого, он уже был ничей. Случайно брошенное семечко, дерево, растущее у дороги, по которой проносятся лимузины чужого счастья.

Немногим больше знала о детях будущая приемная мать. Знала, что прописанная в их метриках Валентина Леонидовна Старостенко, аккуратно сдававшая детей в интернат по достижении ими двухлетнего возраста, умерла, отравившись паленой водкой, прихватив с собой ради компании еще двоих собратьев, давнее свое, крепко спившееся товарищество.

В графе «отец» у обоих стоял прочерк, но воспитатели помнили, что маленького Тимура мать называла татарчонком.

Наталье мальчик-то как раз и понравился. Выглядел он младше своих лет, тихий, вежливый, ласковые, просящие глазки. Но разлучать брата и сестру было, конечно, нельзя, и, хотя ей все время хотелось отодвинуть девчонку в сторону, пришлось взять обоих.

Дети были очень разными и в то же время похожими. У обоих черные волосы, но у Тимура жесткие и прямые, а у сестры – дикая копна непослушных кудрей. Оба темноглазые, но девчонка посверкивает яркой, вызывающей чернотой, а у братишки глаза светло-карие. Оба были худенькие и гибкие, но Аура на голову выше, она же и старше была на год.

Теперь это будут ее дети, ее собственность.

Наталье было уже тридцать восемь. Двадцать два года назад она уезжала в областной центр, покидая место, где оставались ее дом и родители, и на которое не хотелось даже оглянуться. Слободка, где она жила, представляла собой некую территорию между деревней и железнодорожной станцией, где стояли несколько двухэтажных деревянных строений барачного типа. Когда-то, очень давно, эти хоромы возводились специально для рабочих нового кирпичного завода, который находился сразу за полотном железной дороги. Здесь наличествовали печи и даже титаны, где можно было согреть воду, растапливая их дровами или торфяными брикетами, но, при этом, отсутствовали санузел. Поодаль стояли давно не функционирующие полусгнившие места общего пользования, и всюду процветали помойные ведра, которые опорожнялись в близтекущий спасительный ручей, а то и просто во двор.

Самым замечательным временем года в слободке была зима, когда весь ужас, который создавали вокруг себя люди, промораживался и прикрывался снегом. Весна же становилась настоящим кошмаром, когда дворы самое меньшее в течение двух месяцев оказывались покрытыми сплошным желто-бурым вонючим киселем.

Все это вместе имело название «Свобода», которым, наверное, и оправдывался распущенный и неопрятный образ жизни обитателей слободки. Населена она была непонятными существами. Если они не отсыпались после смены, не скандалили, не дрались и не упивались до полного отключения, то сидели во дворах на скамейках, чаще группами, тупо глядя прямо перед собой. Не разговаривали, не смеялись. Молча смотрели на мир, как в пустоту, и были похожи на серые гипсовые изваяния. Слепые и немые. Как стоящая в центре двора уродливая композиция.

Дети, за неимением других развлечений, изучали жизнь взрослых, занимаясь живейшим ее обсуждением, набираясь опыта и подсознательно выстраивая свою будущую жизнь по принципам «Свободы». Здесь все были никем, и, без оглядки убегая отсюда, Наталья хотела только одного, подняться над этим убожеством, стать кем-то, хотела признания и уважения окружающих людей.

Ей казалось, что ее желания достаточно, но все оказалось не так просто в новом для нее и непривычном мире, среди обособленных и озабоченных горожан. Уважение и признание могли дать престижная работа и должность и, как следствие, большие или очень большие деньги. Ни знаний, ни способностей для этого не хватало. Наталья закончила пищевой техникум, но дальше должности контролера на молочном комбинате дело не пошло. Правда по этому поводу Наталья особенно не горевала, потому как понимала, что для всеобщего признания женщине достаточно и статуса благополучной матери семейства. Но шли годы, а мечты о замужестве отдалялись и отдалялись, теряли радужную окраску и превратились наконец в пыльный, изредка поблескивающий осколочек стекла.

Как-то Наталья возвращалась вечером с работы. Дорога вела через парк, где расположилась небольшая церковь. Двери в храм были растворены. Наталья остановилась и, помедлив, вошла. В церкви она была от силы раза три. Последний раз – когда отпевали мать. В иконостасах разбиралась плохо, поэтому, купив тонкую желтую свечку, нерешительно подошла к стоявшей поодаль старушке.

- Бабушка, к какой иконе мне свечку...- она запнулась, толком не зная, как объяснить, чего она хочет.

- Бездетная, - старушка понимающе и сочувственно взглянула снизу вверх и, неслышно ступая, скользнула вправо, увлекая за собой Наталью.

Долго в тот вечер не выходила Наталья из храма, узнала такое, о чем и не слышала никогда, и не подозревала, а, главное, поняла, вот где себя потерявшуюся найти можно, а на фоне всеобщего невежества и отсутствия культуры вероисповедания и проявить себя, и подняться, и вождеденное уважение к себе снискать. Усердие только требуется. И, решив, что это ее единственный и последний шанс, себя она не жалела. А усилия, и труды, и истовость, а где-то и напор, и хитрость еще сравнительно молодой женщины свои результаты наконец дали.

И все бы хорошо, но сознание ущербности своей в плане несостоявшейся женской судьбы все равно оставалось и постоянно давало о себе знать. И в том, как не просто

строго, но пригашивая злой огонек в глазах, смотрела она на счастливых мамаш, записывая их детишек в очередь для обряда крещения. И в том, как резкими, а то и откровенно грубыми замечаниями стирала улыбки с лиц юных брачующихся. И хотя они и смущались, и заискивающе заглядывали ей в глаза, все равно уходили счастливыми. А она оставалась несчастной и была бессильна лишить их светлого и радостного ожидания венчания и что-либо изменить в своей собственной жизни.

Так и жила она, пока во время посещения одного из монастырей, где воспитывались девочки из неблагополучных семей, в приватной беседе матушка-игуменя не посоветовала ей взять ребенка из приюта.

Ни тогда, ни позже, уже ведя домой прицепившихся к ней паровозиком малышкой, Наталья не думала о том, что выросшая в «Свободе», знавшая только безобразную модель семьи, которая ничего не вкладывает в своего ребенка, ничего не дает ему, кроме намертво впаявшихся в подсознание уродливых отношений, понятия не имеет о том, что же такое семья и в семье – дети. Ей и в голову не приходило задуматься о том, что же чувствуют, что переживают эти ребяташки. Важнее всего было то, что ее желание исполнилось. Теперь она – мама. Детей она собиралась воспитывать с Божьей помощью, в прямом и переносном смысле.

Вот и имена она им дала заново, сама выбирала. Как и полагается матери. Сама Наталья не помнила, что в деревенской школе, где она училась, в кабинете зоологии был живой уголок. Там в большой клетке жили две белые мышки, доверчивые и безобидные, которые смешно вставали на задние лапки, чтобы достать кусочек протянутого угощения, и день за днем покорно проводили за частой проволочной решеткой. Звали их Тима и Тоня.

Не помнила этого Наталья, а вот подсознание, видимо, вспомнило.

Тима и Тоня. Не тут то было. Аурика категорически не приняла своего нового имени и отказывалась на него отзываться.

- Тима, Тоня, обедать.

Аурилька не двигается с места.

Устроившись за столом, Тимофей оглядывается на сестру. Из тарелки так вкусно пахнет. Он сползает со стула, подходит к сестре и, наклонившись, тихо шепчет ей на ухо:

- Аура, ну пойдём кушать.

И как тогда, в первый день, берет ее за руку и ведет к столу.

- Тоня, ты руки помыла? – спрашивает «мама».

Аурика молчит.

- Антонина, я тебя спрашиваю.

Горячим угольком сверкает исподлобья взгляд. Сестра выходит из-за стола и не возвращается. Тимофей торопливо съедает стоящее перед ним блюдо. Оно уже ничем не пахнет, и вкуса он тоже не чувствует. Он думает о том, как сделать так, чтобы Аурилька не осталась голодной.

Промучившись часа два, он идет к Наталье и, изо всех сил стараясь быть убедительным и приятным, вкрадчиво говорит, что никогда не пробовал такого вкусного мяса и очень хотел бы еще немножечко. Он видит, что «мама» все понимает, но молча накладывает еду в тарелку и даже позволяет «съесть» ее в комнате. Он

счастлив, что его маленькое лицедейство удалось. Он еще не понимает, что отныне в нем живут два человека – Тима-Тимур и Тима-Тимофей.

Автобус, явно переживший не одну смену власти, попадая в ямы и выбоины, гремел, как гора кухонной утвари в мойке. А еще, каждый раз когда он отъезжал от остановки, внутри салона что-то жалобно и тоненько чихало. Похоже, у автобуса была застарелая аллергия.

- Чихает как домовенок, - оглянувшись Кристина на очередной приступ необъяснимого почихивания.

-Домовые в автобусах не ездят, - возразил Тимур. – Наверное, это дух потерявшегося пассажира.

-Ну да, такого, как мы, - полусерьезно отозвалась девочка и посмотрела за окно, где давно уже мелькали только кусты и деревья. – Где это мы едем?

Пассажиров в салоне почти не осталось. Кроме них у окна дремал небритый дядька, от тряски крепко прикладывался головой к стеклу, но глаз не открывал. Местность за окном Тимуру ни о чем не говорила, и он решил выяснить маршрут у водителя.

Автобус оказался пригородным, название конечного пункта назначения он хоть и слышал, но где это находится точно не знал. Когда Тимка попытался сказать, что им надо выйти, так как по ошибке они сели не в тот автобус, водитель спокойно и равнодушно ответил, что выпустит их только после того, как они оплатят проезд. Услышав стоимость билета, Тимур растерялся.

- Выходить надо, - вернувшись к Кристине мрачно сообщил он. – И так уехали на конец географии.

- Выходим, - с готовностью вскочила она с места.

- Заплатить надо, а у меня ни копейки, - не глядя на нее, признался Тимка.

- Так идем скорее! - тем же жестом, что и в магазине, она схватила его за руку и потянула за собой.

Бумажка, которую Кристина протянула водителю, Тимура поразила. Тысячерублевая купюра. Он и в руках не держал никогда.

Поворачивая, водитель отсчитал сдачу и открыл переднюю дверь.

Ссыпавшись с высокой подножки автобуса, ребята немного растерянно стали оглядывать незнакомую местность. Справа тянулся плоский и пологий пустынный берег реки, метрах в ста – каменная часовня и старое кладбище без единого деревца. Пусто, голо, холодно. Слева – крутой подъем в гору. По обеим сторонам дороги – домики: и плохонькие деревянные, и поосновательнее, и каменные побогаче. Судя по всему, на холме располагалась деревня.

- Лезем наверх? – Кристина перебежала дорогу, обернувшись, крикнула замешкавшемуся Тимуру. – Кто быстрее! – и, больше не оглядываясь, зашпешила вверх по обочине, потряхивая впереди рыжим шарфом, как быстрым беличьим хвостом.

Догнать ее оказалось делом непростым, но на середине горы оба, задохнувшись, остановились. К закату случайным гостем появилось солнце, разбавило синевой серый свинец реки, высветлило песчаные берега, местами припорошенные снегом, разбудило,

растормошило отходящие ко сну леса, и сразу стали видны еще живая редкая зелень и золото листвы. Молча они глядели вниз, а под ними на многие километры расцвела, растянувшись прощальная улыбка поздней осени, покидающей землю.

Деревня оказалась небольшой, но чистенькой и аккуратной. На главной улице – церковь, водокачка и два магазина. Из дверей одного вышел дед в картузе цвета хаки, не узнавая, взглянул на них и двинулся по тротуару, царапая палкой мерзлую землю, локтем прижимая к боку большой, золотисто-коричневый батон.

Тимка мгновенно почувствовал, как заныло под ложечкой.

- Я тоже есть хочу, - словно услышав тоскливую мольбу его желудка, сказала Кристина. – Пошли купим что-нибудь.

Тимур еще пытался изобразить безразличное подергивание плечом, а в который раз уже оказавшийся впереди беличий шарф уже мелькал в дверях магазина.

Весело похрустывая прозрачными ломтиками картофельных чипсов, залезая на пробу друг другу в пакеты, шутливо жадничая, уворачиваясь и хохоча, они наизаметно оказались за околицей. Позади осталась деревенька со вкусными запахами паленой свиной кожи и дымка коптилен в морозном воздухе – дразнящими запахами ожидания недалеких уже праздников.

Вечернее солнце, как могло, продлеvalo короткий ноябрьский день, и, оказавшись на опушке леса, они без страха вошли в него и теперь шагали по дороге, которая то сужалась подступавшими к самому ее краю темными елями, то, вдруг становясь широкой и светлой, бежала меж длинноногих сосен и оголенных кустов.

В рюкзаке Кристины что-то протяжно запищало.

- Мобильник. Батарейка села, наверное.

Кристина остановилась и дернула замок на кармашке.

- Так и есть, - мельком взглянув на маленький красный аппарат, она вбросила его обратно. - Вот не вовремя. Тренировку пропускаю и не предупредила. Теперь скандал будет.

- Спортом занимаешься? – стараясь не замечать вопроса в ее глазах, безразлично поинтересовался Тимур.

- Спортивными танцами. У тебя нет телефона? – все-таки озвучила она свой вопрос.

Телефона у него не было. Несколько раз в школе ему предлагали купить трубку. Дешево, даже очень. Он знал – аппараты ворованные. Торговля краденными мобильниками процветала в школе, как процветал среди подростков и сам промысел. Ворovali даже у своих, у одноклассников, у зазевавшихся девчонок. Отбирали на улице у беспомощных малышей из начальных классов. Тимка не представлял, как бы он стал пользоваться таким телефоном.

Н-да, а сам-то. Тоже хорош. Он вспомнил сегодняшний эпизод в магазине и покраснел. А вообще звонить ему было некому. И, конечно, денег на покупку не было.

Он давно привык к отсутствию карманных денег, модных тряпок и вещей, придающих вес и значительность их обладателю, и, как следствие, к отсутствию приятелей. Он был неинтересен никому и вообще чувствовал себя изгоем. Нет, над ним никогда не издевались, не смеялись – его просто не замечали, и где-то в глубине души даже сочувствовали. Он переживал, но делал вид, что ему безразлично. И старался держаться поближе к сестре. Вот за нее ему было больно и обидно. Стремление опекуни привить детям скромность и смирение в частности выражались в том, как она их одевала. И если категорический запрет

на джинсы, например, самого Тимура в уныние не повергал, то уродливые юбки мешком и до колен и обвислые кофты, в которых ходила Аурика, временами приводили его в бессильное бешенство.

Аурика была красива. Он это знал точно. Со злорадным торжеством сравнивал на уроках физкультуры ее изящную гуттаперчевую фигурку с нескладными, то слишком толстыми, то слишком худыми, одноклассницами. Попадая в спортзал, лишённые своего модного прикида и блестящих побрякушек, они теряли лоск и самоуверенность. К тому же большинство из них страдали неуклюжестью, а Аура обладала прородной гибкостью и балансом.

Вспомнив сестру, Тимур почувствовал назойливое беспокойство, не покидавшее его в последнее время. С Аурилкой творилось что-то неладное.

- Боишься тренера? Строгий? – спросил он, не глядя на покусывающую губы Кристину, чтобы девчонка не смогла прочесть по его глазам, что он чувствует себя виноватым: оказались-то они здесь из-за него, и телефона вот у него нет. Хотя, с другой стороны, вмешиваться ее никто не просил.

- Да нет... Вообще Карина, конечно, строгая, но не в этом дело. Просто занятие индивидуальное, платим с партнером пополам. Сегодня полноценной тренировки не будет, а платить за время все равно надо.

- Много?

- Много. Да это ерунда. Мой отец полностью тренировку оплатит, он не раз за двоих деньги давал, когда у Санькиных родителей проблемы были. Просто он выпендривается сильно.

- Кто выпендривается?

- Да Санька, партнер. Типа чемпион. Один раз международный конкурс выиграл – и уже великий танцор... Ух ты! Смотри!

Кристина вдруг остановилась, как вкопанная, и с восторгом устремила взгляд на открывшуюся между сосен и елок небольшую поляну. Наверное, не было во всем лесу красивее места. Казалось, чьи-то заботливые руки обихаживали этот дикий уголок, продуманно расставив там – небольшую, аккуратную елочку, здесь – мягкий, мшистый бугорок, четыре удобных пня, черно-белую, в развиле изгибе березовую скульптуру. Чем-то эта поляна напоминала гостиную для особых приемов. А они были гостями, и гостей ждало угощение.

Поляна была плотно покрыта низенькими кустиками с твердыми, зелеными листочками, слегка присыпанными тонким и неровным слоем подтаявшего и вновь подмерзшего хрусткого снега. И повсюду в этой сахарной зелени красными бусинами и маленькими гроздьями алели капельки поздней брусники.

Тимур и Кристина бросились собирать ягоды, морщась от горьковато-кислой сладости и оглушающего хруста ледяной крошки на зубах и под ногами. А к поляне, окружая ее со всех сторон, осторожно подкрадывалась на широких и мягких лапах темнота, удлиняя каждый новый шаг и вытесняя обманчивый, недолгий свет. Увлеченные коварным угощением они заметили это не сразу.

Тимур поднял голову и обвел глазами поляну. Еще то, что находилось совсем близко: ягоды в ладони, слегка побледневшее лицо с розовыми пятнышками у губ, черные крапины березовой коры, – не потеряло ясных и четких очертаний, но в густом ельнике по дальнему краю поляны отдельные деревья уже слились в сплошной мрачный массив, чужой и враждебный.

- Пойдем на дорогу, - быстро оглянувшись, проговорила Кристина.

Идя рядом с ней, но чуть сзади, Тимур видел, как она старается не смотреть по сторонам, чтобы не выдать своего страха. Оказавшись на дороге, она успокоилась, опять повеселела и разговорилась. Минут пятнадцать они шли, болтая, догоняя и перегоняя друг друга, потом затихли и, молча пройдя еще метров пятьдесят, остановились. Дорога не кончалась, и лес впереди не хотел ни редеть, ни светлеть.

- Мы, наверное, не в ту сторону идем, - догадался Тимка, вдруг вспомнив, что сошли они на поляну вправо, а снова вышли на дорогу на другой ее стороне. – Надо вернуться на то же место.

Они повернули назад, и зашагали в уже почти полной темноте, напряженно вглядываясь в окружающие их деревья, несколько раз, ошибаясь, сходили с дороги вправо, потом влево и, наконец, окончательно запутавшись, буквально застряли в тесном хороводе невысоких черных елок. Это было похоже на капкан. Темнота до предела сузила свое кольцо и прижала их друг к другу.

- Мамочка, - безнадежно всхлипнула Кристина и скрючилась на поваленном стволе, преградившем им путь, - ой, как руки замерзли.

Тимур в азарте и волнении холода пока не чувствовал, но знал, что скоро он доберется до каждого, даже прикрытого одеждой, кусочка тела, не говоря уж о голых руках, которые уже были ледяными. И еще он знал, что ни в коем случае нельзя стоять, а тем более сидеть.

Кристина тихо всхлипывала где-то внизу, у его ног. Он наклонился, рывком поднял ее, сдернул тонкие фасонистые перчатки, потом потянул вниз молнию на высоком вороте своей куртки.

- Хватайся за шею, грей руки, - говоря это, он с глупой и несвоевременной радостью отметил свой командный тон и, так как она не двигалась, потянул ледяные ладони к горлу, туда, где пульсировала горячая артерия. Он не видел ее лица, только густая челка щекотала подбородок, и еще он чувствовал, как она дрожит.

- Сейчас найдем дорогу, - он внезапно охрип, откашлялся и продолжил, стараясь, чтобы голос был верен и не терял твердости. – Любую. Дорога все равно куда-нибудь выведет. Здесь же не тайга.

Заиндевшая от его дыхания челка отстранилась.

- Сожми руки в кулаки, сунь в карманы, - продолжал командовать Тимур, запихивая ее перчатки глубоко под свитер, чтоб согрелись. – Пошли.

По счастью небо была звездным и тонкорогому, слабому месяцу, как ни странно, удавалось освещать и всю землю, и лесную дорогу, по которой брели двое детей.

Холодный оскал зимы,
Но уже в рукавице - птица.
Ещё немая, но мы
Поможем ей разговориться.

Ты знаешь, уроки трудны,
Но сладки беседы звуки
Птицы, любви и весны,
Так долго бывших в разлуке.

Но разве не нам с тобой
В сугробах откапывать двери,
Дыханьем, сердцем, рукой
Ломая лёд недоверья.

Конечно, мороз упрям,
Но то, что сделают двое,
Согреет птицу и впрямь
Весне дорогу откроет.

Хитросплетенья женских мыслей,
Без дат и подписей тетрадь.
Наброски лиц, обрывки чисел -
Шифр - без ключа не разобрать.

Вам скажут: нет нужды стараться
Разгадывать подобный бред
Или пытаться разобраться
В чём заключается сюжет.

Нет логики и соответствий,
Событий нереален ход,
Непозволительна небрежность
И непонятен оборот.

Реестры правил, свод понятий,
Так быть должно, а этак - нет.
Мой критик, ты не мой читатель,
От геометрии поэт.

Ведь отчего-то тянет омут,
Переплетенье тёмных струй,
Прохладной тайны невесомость,

Посмотри. За окном листопад
Пожелтевшую книгу читает,
На палитре цветной отдыхает
Синевой затуманенный взгляд.

Не грусти. За окном дожди,
Осторожно скользя, зашептались.
Руку дай тем, кто в осень остались -
Тех, кто в лето ушёл, не суди.

Улыбнись за окном ветрам,
Уносящим и приносящим,
Распахнись и поверь настоящим
С губ сорвавшимся нежным словам.

И взлети вслед за ними, и вновь
Обрети невесомое счастье
Там, где благословенно несчастье,
И одно время года - любовь.

ЗАКЛИНАНИЕ

Не уйти, не убежать,
Ветру в ночи не замолчать,
Не дозвенеть капле дождя
Нельзя.

Молнию с громом не разделить,
Не разлюбить, не позабыть
Тебя.

Отпусти, не отпускай,
Удержи и не отдай,
Будь со мной
Горькой росой
Ночной.

Терпкий туман выпью опять,
Силу найду верить и ждать,
Родной.

Осоки острый поцелуй.

*А быть прочитанной страницей -
Скучнее доли не найти,
Так уж позвольте не ложиться
В хрустальный гроб-стереотип.*
